

ПАСТВА

ЕГОР ТОКАРЕВ

16+

Егор Александрович Токарев

Паства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774653

SelfPub; 2020

Аннотация

Бессердечная судьба раз за разом наносит удары по жителям крошечного городка в сельской глубинке. Отчаявшиеся люди посещают церковь в надежде, что Господь ответит на их молитвы. Но что делать пастору, постепенно теряющему веру? Как помочь своей пастве, как сохранить ясный рассудок, не увязнув в безумии и грехе?

Егор Токарев

Паства

I. «Проповедь»

Сперва черная рубашка, она символизирует, что пастор – это раб Божий, затем белая колоратка под воротник, обозначающая святость и чистоту, и, наконец, темный пиджак, не слишком строгий, скорее свободного стиля, должный подчеркнуть дружеский настрой мероприятия. Ко всему прочему, уже второй месяц стояла сильная жара и более официальный стиль доставил бы ощутимые неудобства. Впрочем, в последнее время казалось, что все вокруг было настроено против жителей крохотного поселения под названием Лим. Непрерывающаяся череда неудач и неприятностей продолжалась уже несколько лет: то местная шахта обвалится, похоронив под тоннами камня и песка полдюжины человек, то засуха не позволит колосьям пшеницы пожелтеть и созреть, после эта же засуха убьет скот местных жителей, оставив людей без работы и надежды на будущее. Постепенно одно накладывалось на другое, и к тому моменту груз трудностей напоминал чугунный пресс на фабрике. Паровые машины наращивали давление, и многотонная громадина давила все сильнее. Многие считали, что черная полоса в жизни Лима рано или поздно закончится, что неудачи не могут вечно преследовать трудолюбивых добрых христиан, но другие

были более дальновидны. Население год от года все сокращалось, и если злой рок, нависший над этим местом, не отступит, то Лим рискует превратиться в одно из сотен поселений-призраков, раскиданных по всему западному побережью.

Амброз Магнер – мужчина зрелых лет с черными как смоль волосами был пастором этого угасающего края. Своей гордой осанкой, прямым ясным взглядом и сильным, звонким голосом ему всегда удавалось ободрить и поддержать угасающий дух жителей Лима. Вот и в тот день пастор Магнер подготовил проповедь, должную вдохновить и раскрыть сердца людей, доверившихся ему, для Божьей милостыни.

Судя по шуму и переговорам, все уже собрались. Это воскресенье должно было стать началом перемен к лучшему, поскольку последние несколько недель выдались особенно трудными.

Амброз покинул небольшое внутреннее помещение церкви и взошел на трибуну в главном зале. Потерев шершавую поверхность деревянной кафедры за которой стоял, он поднял взгляд на людей, собравшихся перед ним.

Он знал каждого из них, знал о их проблемах, о их переживаниях и мечтах. Знал, что гложет каждого из его прихожан. Магнер чувствовал присутствие распятия на стене за ним, это придавало ему уверенности и вселяло новый смысл в речи, произносимые с этого места.

Амброз начал говорить. Губы сами собой чеканили обод-

ряющие слова, а его взгляд продолжал скользить по залу и лицам людей, сидящих перед ним. Два десятка человек пришли сегодня на проповедь. Некоторые были сонные, другие увлеченные, а третьи отстраненные, словно находились где-то в другом месте далеко от сюда.

На первом ряду слева сидел старик Филч. Настороженный взгляд его подслеповатых глаз внимательно изучал лицо пастора. Иногда, после очередного предложения проповеди, он задумчиво крякал. За предидущий месяц старик сильно сдал и теперь не мог передвигаться без посторонней помощи. По обе стороны от него сидели Альма и Роберт – дети мистера Филча. Они думали о своем, не обращая никакого внимания на действие вокруг.

В середине зала внимание привлекала другая группа. Фрэнк Гривз – глава семейства выглядел крайне усталым и измотанным. Насколько знал Амброз, его работа на пожарной станции хоть и приносила приличные деньги, требовала огромных физических и моральных усилий, а постоянное напряжение не могло не сказаться на психологическом состоянии мужчины. Почти черные круги под глазами напоминали следы от угольной пыли, а надрывные приступы кашля подтверждали удачность подобного сравнения. Фрэнк не любил ходить на проповеди, даже не пытаясь скрывать это. Между приступами кашля, он то и дело зевал, всем своим видом выражая отношение к подобным религиозным ритуалам.

Его жена Сюзи являлась полной противоположностью супруга. Слишком увлеченная словами пастора, слишком красивая как для этого захолустья, так и для своего мужа и такая несчастная. Амброзу казалось, что по цветам мешков под газами он уже практически безошибочно научился определять их причины. Совсем черные – от работы или душевных терзаний, не дающих покоя, сине-желтые – от выпитого накануне виски, а сине-серые, как сейчас у Сюзи – от ливня слез, пролитых в прошлую ночь.

Между супругами сидел мальчуган. В прошлом месяце Дэнни исполнилось двенадцать. В тот день вечно бледный и болезненный ребенок был по настоящему счастлив. Родители не орали друг на друга, отец был в добром расположении духа, подарив сыну небольшую лошадку из песочного печенья, а мать испекла великолепный шоколадный торт на запах которого слетелись все осы в округе. Опасаясь за свое «сокровище», Дэнни в один присест съел его. Сейчас мальчуган сидел на проповеди, усиленно над чем-то размышляя. Умный не по годам он всегда вызывал у Амброза радость. Время от времени пастор думал о том, чтобы самому взяться за его воспитание, но все ограничивалось мыслями перед сном и туманными планами.

За Гривзами сидело существо. Пастор Магнер не привык судить по человеку из-за внешности, но Генри нельзя было описать по-другому. Вечно грязный, худой как жердь человек с заросшим грязно-рыжей щетиной лицом и тусклыми

ми серыми глазами сидел на скамье, сложив кисти в молитвенном жесте. Заскорузлые желтые руки дрожали в такт губам, повторяющим слова проповеди. Генри был примером опустившегося человека, когда-то имевшего достаточно для честной безбедной жизни, но теперь прозябающего в нищете и пьянстве. Амброз размышлял, что же побудило его искать счастье на дне бутылки и после недолгих размышлений понял – одиночество. Мистер Эйнли умел работать, и его сноровистые на любое дело руки (теперь пораженные тремором) были предметом гордости и похвалы. К несчастью, жена Генри погибла в страшном пожаре, и с тех пор незаживающая рана на сердце вынуждала его искать отдохновения в «огненной воде».

Магнер вновь перевел взгляд на Сьюзи Гривз. Огненно-рыжие волосы тугой копной ниспадали вниз на тонкие плечи, а зеленые глаза были устремлены прямо на него.

«Надо будет поговорить с ней» – подумал Амброз.

Он еле заметно кивнул, женщина ответила тем же.

– И помните, Бог любит всех вас и испытание, которые он посылает нам, должны лишь укрепить веру во спасение! – Амброз произнес последние слова проповеди и остановился, тяжело дыша.

Подождав несколько секунд он добавил:

– Благодарю всех за то, что пришли! Хорошего вам выходного дня!

Прихожане начали вставать со скамей и продвигаться к

выходу. Амброз не знал помогла ли проповедь людям в трудный час, но искренне на это надеялся.

Сюзи Гривз на секунду остановилась, что-то шепнула недовольному мужу и осталась в церкви, увлеченно разговаривая с миссис Бишоп – заведующей местной бакалейной лавкой. Супруг хмыкнул и, заложив руки в карманы просторной куртки цвета хаки, вышел на улицу. Маленький Дэнни поплелся за ним. Магнер, проведя рукой по кафедре, двинулся к выходу из церкви.

Заметив пастора, женщина быстро завершила разговор с подругой и повернулась к нему.

– Здравствуй, Сюзи, как ты? – Амброз улыбнулся.

– Пастор Магнер, мне нужно с вами поговорить, – прошептала женщина.

– Да, конечно, идем.

Магнер повел Сюзи во внутренние помещения церкви, где жил сам. Во время недолгого путешествия она не произнесла ни слова, напряженно размышляя над будущим разговором, или подбирая нужные слова из давно заготовленного текста. Пастор пропустил женщину вперед, закрыв за ней дверь.

– Я хочу уехать, Амброз, – с ходу начала она, опустив всякие предисловия и обсуждение окольных тем.

– Все так плохо?

– Это не жизнь! Это даже не существование, а жалкое прозябание в этой дыре! Я больше не могу тут находиться, про-

сто не могу, еще неделя и, видит Бог, я повешусь прямо на дереве перед домом!

– Не смей говорить такое в доме Господа! – пастор слегка повысил голос, от чего тот загремел под потолком.

Сюзии мигом затихла, и начинающаяся истерика была подавлена в зародыше.

Женщина глубоко вздохнула, взмахнула роскошными пламенными волосами и окончательно успокоилась.

– Что случилось? – уже более деликатно спросил Амброз.

– Вчера Фрэнк был не в духе, на станции что-то случилось и все повесили на него. И как обычно, злобу на весь белый свет он вымещает на мне! Словно во всех его неудачах виновата именно я! Да он нашу собаку больше любит и ласкает, чем меня, а я женщина, и мне нужно внимание, забота и любовь! Не помню когда последний раз он называл меня «дорогой» или хотя бы просто делал комплименты! – она перевела дух и продолжила уже более спокойно. – Я уезжаю отсюда, Амброз. Думаю, что на следующей недели меня уже не будет. Поеду в Нью-Йорк или Лос-Анджелес, еще не решила. Ты ведь знаешь, я могла стать киноактрисой, если бы не познакомилась с Фрэнком и не родила...

Магнер внимательно слушал, и когда женщина перестала говорить спросил:

– Что с Дэнни?

– А?

– Дэнни, твой сын.

– Да... он останется с отцом. Не смотря на все, Фрэнк достаточно зарабатывает и сможет его обеспечить.

– Ты оставишь своего сына с тем человеком, о котором сказала столько плохого?

– Послушайте, пастор Магнер, – голос женщины стал надменным и практически сочился желчью. – Я ценю вас за то, что вы всеми силами стараетесь помогать своим прихожанам во всем, но *прошу вас*, не лезьте не в свое дело.

Амброз отстранился, сложив руки на груди.

– Зачем же ты пришла ко мне, если не за советом?

– Я пришла чтобы попросить об одолжении. Не могли бы вы присмотреть за Дэнни в мое отсутствие, чтобы Фрэнк не перегибал палку, и с ним все было хорошо?

– Как у твоего сына может быть все хорошо, если его мать бросает свою семью ради призрачного шанса стать кем-то в этом жестоком мире? Ты хочешь переложить свою ответственность на меня, чтобы тебя совесть не мучила в солнечной Калифорнии? Да, Сюзи?

– Да или нет, пастор!? Я прошу лишь ответа на мой вопрос!

– Я служитель Господа и не могу оставить твоего сына без заботы в те трудные времена, которые ему предстоят, но все же попробую отговорить тебя от этой безумной идеи.

– Спасибо.

Сюзи, не говоря больше ни слова, вышла из комнаты и устремилась к выходу из церкви.

«Господи, почему люди настолько невежественны и глупы до своих низменных желаний, что забывают о благе близких им людей?» – задал вопрос пастор, но он остался без ответа, впрочем, как всегда.

Амброз потерял предплечье левой руки и отправился в главный зал церкви. Он успел застать выходящую Сюзи. За открывшейся дверью вспыхнуло голубое небо.

«Надо выйти подышать» – подумал он.

Пастор прошел по залу и, на секунду задержав взгляд на кафедре, вышел из здания. Солнце светило на бирюзовом небе, освещая все вокруг теплым желтым светом. Амброз глубоко вздохнул солоноватый сухой воздух. Все вокруг пахло пылью и песком, словно в пустыне, последние годы окрестности усыхали, и некогда плодородный край превращался в тусклую пустошь, населенную такими же тусклыми людьми.

Кто-то за спиной Магнера осторожно прокашлялся, привлекая внимание. Амброз обернулся. В нескольких метрах от него стоял старик, оперевшись плечом на стену церкви, покрытую белой облупившейся краской. На первый взгляд было сложно определить сколько ему лет. Острая борода, отливающая на солнце искристым серебром, обрамляла усохшее лицо, испещренное узором мелких морщин. Создавалось впечатление, что сами черты лица состояли из прерывистых линий и неглубоких надразов, они не позволяли рассмотреть старика во всех подробностях. Взгляд, словно сам

собой, соскальзывал вниз или перемещался на другой объект в поле зрения, не желая застыть на лице собеседника дольше, чем на несколько секунд. Пучок все тех же серебристых волос на голове дополнял столь гротескный вид.

– Пути Господни неисповедимы, верно, пастор? – проговорил старик чистым и звучным голосом, никак не вязавшимся с его наружностью.

– Истинно так, – ответил Амброз, слегка растерявшийся от подобного начала разговора.

– Я тоже так раньше думал, но опыт и мудрость излечили меня от подобных предрассудков.

– Простите, мы не знакомы, и в Лиме я вас раньше не видел. Вы приезжий?

– О, прошу прощения, как невежливо и неучтиво с моей стороны! Мое имя Альфред Соломонс и, пожалуй, да, я приезжий, – взмахнул он рукой. – С тех пор как я был здесь последний раз, это место изменилось настолько сильно, что кажется будто это два разных поселения. Хотя, и я уже совсем не тот...

– У нас сейчас не лучшие времена, но все наладится благодаря трудолюбию и вере.

Почему-то Амброзу было некомфортно разговаривать с этим типом, все в нем было странным и непохожим на обычных людей, с коими пастор общался каждый день. Внешность глубокого старца никак не соответствовала живости движений, а одежда, даже в таком захолустье как Лим, наве-

вала вспоминая о прошлом.

– Какие слова, какой настрой! Вашим прихожанам очень повезло, вы действительно хороший священник, если они верят во все эти пустые слова и ритуалы, должны облегчить им жизнь, но на деле лишь занимающие драгоценное время вашего недолгого века.

– А вы не верите в Бога?

– Нет, что вы! Я истинно верующий, можно сказать, что кроме меня практически нет людей так же преданных служению, как я.

– Что-то я вас не понимаю, – в конец запутался Амброз.

– Не беспокойтесь, вы поймете, у нас еще будет время поговорить. Надеюсь, вы не будете против?

– Конечно, нет. Я всегда готов побеседовать и помочь, если это будет в моих силах.

Старик кивнул и пружинистым шагом пошел прочь от церкви. Магнер минуту смотрел ему вслед, потирая предплечье, потом развернулся и отправился обратно в свою обитель.

Как только дверь за ним закрылась, пастор согнулся пополам, хватая ртом воздух. Мысли метались в его голове рассерженными шершнями, а слова, утешавшие его в такие моменты, казались бессмысленными и пустыми. Он должен был быть лучем света для своих прихожан. На отбелки этого светоча отчаявшиеся люди должны были идти в поисках утешения и поддержки, но как он может быть им, если сам

чувствует, что скатывается в пучину мрака и сомнений вместе со своими прихожанами? Молитвы всегда оставались без ответа, люди вокруг страдали и погибали, а он ничего не мог сделать.

Амброз оперся о край деревянной скамьи, его плавающий взгляд остановился на большом распятии в противоположном крае церкви.

«Когда я был готов провалиться в самую темную бездну, ты помог мне и дал свет, за которым я следовал все эти годы. Почему сейчас я не вижу его? Неужели он погас для меня... или я стал слеп... или...»

Амброз встал и пошел в часть церкви, служившую ему домом.

Вечером он молился. Молился за то, чтобы страдания людей вокруг прекратились, за благополучие маленького Дэбби и за избавление себя от греховных мыслей. Чтобы занять руки Магнер вырезал распятие из куска ссохшейся древесины, словно символ, сделанный своими руками, мог помочь вернуть веру человеку, почти утратившему ее.

II. «Засуха»

Последние дни Амброз плохо спал. Странные видения тревожили его разум по ночам, от чего пастор не мог отдохнуть и постоянно чувствовал себя усталым. Ко всему прочему, тот странный старик – мистер Альфред Соломонс, никак не выходил из головы. Его странные слова, казалось, противоречащие сами себе, обладали неким сакральным смыслом

и помимо воли воли вертелись в мозгу.

В один из дней пастор, как обычно, покупал продукты в местном магазине. Когда он уже расплачивался за покупки, в лавку вошла Сюзи Гривз. Увидев Амброза, женщина развернулась и быстро покинула здание. На ней были темные очки, скрывающие половину лица, и пастор слишком хорошо знал, что это обозначает. Он взял покупки и вышел на улицу.

– Сюзи постой.

Женщина остановилась, пройдя всего пару шагов прочь от крыльца продуктовой лавки, и резко развернулась.

– Что вам нужно, пастор Магнер?

– Опять?

Вместо ответа она сняла очки, под ними, как и ожидалось, обнаружился большой синяк, перекрывающий половину левого глаза, от чего тот практически закрылся.

– Я поговорю с ним сегодня.

– А какой смысл? Думаешь он пропитается христианской любовью и просто отпустит меня?

– Ты рассказала ему о своих планах?

– Конечно же нет! Он бы убил меня! Я намекнула, что хочу поехать в Нью-Йорк на пару недель, чтобы попробоваться в роли, но он и слушать ничего не хотел! Решил, что я хочу бросить его, свинтив в другой город!

– А разве это не так?

Сюзи открыла рот и несколько минут хватала ртом воздух, не зная, что сказать.

– Да... но...

– Давай, я зайду сегодня к вам и поговорю с Фрэнком, попробую помочь.

– Не думаю, что получится хоть что-то сделать.

– Я все же попробую, – сказал Амброз и направился в церковь.

Стук в дверь отвлек Магнера от изучения Библии, в которой он наделся отыскать слова для будущей беседы с четой Гривз. Амброз поднял взгляд от кафедры, на которой лежала книга, но стук не повторился, и никто не появился.

Церковь всегда представлялась ему местом, куда человек мог войти в любой час, не страшась ни осуждения, ни порицания, местом, где каждый мог найти душевное отдохновение и поддержку. Пастор захлопнул книгу, бессознательно провел рукой по шершавой поверхности кафедры и пошел к двери.

С улицы пахло застоявшимся перегаром, перемешанным с запахом давно не чищенных зубов. Уже стемнело, и Амброз по началу не понял кто перед ним. Человек стоял, прижавшись к створке двери, от чего тень полностью скрывала его лицо.

– Добрый вечер, пастор Магнер, мне можно войти?

Это был Генри – тот самый человек, утопивший свою жизнь в бутылке с выпивкой.

– Конечно, тебе не нужно спрашивать у меня разрешения. Это дом Божий, и не мне решать кому следует здесь нахо-

дится, а кому нет. К тому же, я рад видеть тебя, – улыбнувшись, ответил Амброз, потирая левое предплечье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.